

КРУГ ЧТЕНИЯ

Русские дети — в литературе, как в жизни

В океанических просторах современного книгоиздательства по определению не останется без внимания вышедшая на исходе 2013 года в Санкт-Петербурге книга «Русские дети» (изд-во «Азбука»). Это фолиант в 60 п.л. (800 стр.), представляющий собой сборник рассказов на тему детства, принадлежащих перу современных, ныне действующих писателей.

В кратком — на страницу — предисловии составителей (А. Егоров, П. Крусанов) сделано несколько оговорок, существенно важных для понимания книги: она — о детях, но не для детей. Это — «не детская книга». И другое важное предвидение: все представленные в книге рассказы для неё именно специально и написаны, что заранее готовит читателя к предощущению какой-то цельности и концептивности издания. И уже не по воле составителей, а «от себя» отметим ещё одну особенность книги, связанную с тематической ориентированностью на детство.

Знаково-семиотический привкус в случае изображения ребёнка ощущим в большей степени, чем в любом другом тематическом ракурсе видения жизни. Изображая жизнь и судьбу взрослого, писатель воспроизводит действительность как таковую; изображая «дети», «дитя человеческого», он осознанно или бессознательно вводит фокус, видение будущего: как говорится, «сегодня — дети, завтра — народ». Кроме того с образом ребёнка вообще связаны некие знаковые сущности видения мира, закрепившиеся за детским топосом в литературе по ходу её исторического развития. Невинностью ребёнка привычно поверяется правда жизни. «Слезишка ребёнка» как критерий истинности человеческого деяния неукопительно сохраняется в литературной памяти, поэтому ребёнок в литературе больше чем ребёнок. И как надличностная черта русской литературы эта особенность детского образа явственнее всего способна проявиться тогда, когда произведения о детстве, но не для детей оказываются объединены в одну книгу, как это произошло в данном случае.

Под строгого оформления обложки скрывается немалое литературное богатство, собраны произведения 48 авторов, которые, дабы не искушать ни читателей, ни самих писателей определением меры их славы и таланта, выстроены в один ряд по алфавиту только в обратном — «перевёрнутом», в соответствии с игровым сознанием ребёнка, порядке от «я» до «а», от Леонида Юзефовича до Василия Аксёнова. Преобладают в авторском коллективе московские и петербургские писатели, российская провинция представлена немногими, но трое из них — Виталий Сероклинов, Виктор Стасевич, Олег Постнов живут в Новосибирске.

Важно, что в специфическом фокусе детской проблематики удаётся дать представление о характере поэтико-смысловых исканий современной литературы в целом, многообразии творческих почерков, разноцветности её эмоционально-стилевой палитры. Поскольку рассказы принадлежат перу «практикующих» писателей, постольку их почерк распознаваем и в освоении такой тонкой материи как детский топос: не изменяет своему привычному способу через легко узнаваемые, лежащие на поверхности реалии бытия вскрывать философию бытия Роман Сенчин («На будущее»); узнаваем в своей приверженности культурологическим изыскам Максим Кантор («Мой аргентинский папа»); неизменно верен своей манере эпатировать читателя Владимир Сорокин («Колобок»); не всякий читатель без душевного потрясения и в этой книге воспримет жёсткую эстетику Людмилы Петрушевской («Сказки о родителях и бедных детях»).

Но есть нечто общее, что делает издание «Русские дети» не просто сборником рассказов, а именно Книгой. Соприкосновение с воспоминаниями о собственном детстве, неизменно живущие в душе каждого человека, придает книге лёгкий оттенок мемуарности, сопряжённой с особой мерой эмоционально-психологической проникновенности. За редким исключением авторы книги пребывают в том возрасте, когда их детские годы совпадают с разными периодами трудной истории советского общества во всей совокупности его политико-идеологических изъятий и бесконечной череды материальных невзгод и лишений, тем не менее детство воспринимается как самая светлая пора жизни, её золотое и ни при каких условиях не возвратимое время, потому что в принципе это «совсем другое время», о чём повествует автор одноименного рассказа Евгений Водолазкин.

Писатели по-разному видят грани детства как «совсем другого времени»: в одних случаях, как в рассказах Майи Кучерской «Вертоград многоцветный», Татьяны Москвиной «День мой рай», Макса Фрая «Две горсти гороха, одна морского песка», на первый

план выходит онтология детства, в других отчётливее проступает социально-исторический аспект. В коротких рассказах Виталия Сероклинова («Пряники», «Цукаты») хорошо видны абрисы того конкретного времени, когда счастливое детство поверялось не качеством сервиса и мерой материального благосостояния, а безоглядной полнотой доверия ребенка миру взрослых, когда скудость лакомств и угощений с лихвой искупалась подлинностью отношений, незыблемостью семейных ценностей, возможностью броситься в объятия вернувшемуся с работы отцу, испытать ни с чем не сравнимое чувство родного Дома: «И тебе так сладко, как бывает только в семь лет».

Душевный покой Мишки, героя рассказа Белоброва-Попова «Высшие силы», плодотворно проведенный день во дворе в обществе Светки, восходит ещё и к вере в разумность «высших сил», управляющих миром. Придя домой, он достал блокнот и записал, что помимо благожелательного пригляда за жизнью страны из Космоса, «у власти находятся хорошие люди, Брежнев и ЦК КПСС. А в Америке всё наоборот». Поэтико-стилевая и эмоциональная атмосфера рассказов разнообразна, не исключает ни сентиментальности, ни философствования, одни полны лёгким юмором, другие... Всё дело в том, что «других» в книге больше, и именно они определяют её острую актуальность, открытость публицистического голоса.

По степени преподнесённых человеку неожиданных наступившее время напоминает сказочное. «Началась ужасная неразбериха, — читаем в «Сказке...» Л. Петрушевской. — То есть произошла настоящая перестройка». Не успевая справиться с собственной реакцией на эскалацию социокультурных перемен, «взрослые» в ещё большей степени отстают в осмыслении жизни своих детей, понимании конечных целей их воспитания и образования, что ставит литературу перед фактом чудовищного разрыва между «двумя мирами», небывалой остротой конфликта «отцов и детей».

Место Дома и Государства, дававших человеку чувство защищённости, заняли другие «высшие силы» — Деньги и Успех, безудержная погоня за материальным благосостоянием и карьерными достижениями. Литература чутко реагирует на новые, непривычные реалии жизни детей, не страшась возвращения к горьковской эстетике «страстей-мордастей». Первыми жертвами небывалого социального расслоения и обнищания масс становятся дети, как в пространном рассказе Сергея Самсонова «Поорёт и перещастает», в сюжете которого малыши, беспечно оставленные матерью и её сожителем без присмотра замерзают в холодной бане. У рассказа «счастливый» конец: размороженного в реанимации Витю усыновляют добрые люди, а оставшиеся без ножек Гульку берут в комплект с братом: «Я же не сам по себе, я с сестрой...»

Разные грани драматического дискурса характерно проявляются в рассказах Марины Степновой «Там внутри», Вадима Левеня «Ча-Ща пиши с буквой кровь», пересекаясь с поэтикой страшного, ужасного, необъяснимого. Заброшенный в кипящий противоречиями мир взрослых, подчас недоступный и их собственному пониманию, ребёнок часто оказывается в нем лишним, воспринимается как помеха для личной жизни родителей, осуществления далеко идущих планов. В книге вообще много детей «лишних», случайных, родившихся «по ошибке», в результате неосторожности в отношениях с партнёром. В рассказе Александра Снигирева «Луке букварь, Еремееву круги на воде» изображен герой, которому детей сдают как в камеру хранения. Это освобождает время для желанного успеха: «Повсюду успех, — размышляет герой. — Бросай колотысь и успех, купи и успех, женись и успех, роди и успех. Бежим, ковыляем, ползем, преодолеваем все эти десять, семь, пять шагов к успеху, который, как мираж, всегда недостижим...»

В книге недетских рассказов о детях не могли не занять положенного места образ современной школы, не найти отражение её духовная атмосфера, характер отношений учителя и учеников. Тотальный дух коммерциализации проник в систему образования в виде его ранжирования на лицей, гимназию и просто школу. Школа, где преподавал герой рассказа Анны Матвеевой «Теория заговора» Павел Константинович — по школьной этимологии Пал Тинич или даже Полти-

нич, называлась лицеем, и «родители — поколение первых в стране богатых и будто бы свободных людей — обладали в лицее истинной властью». Учитель в ней уже не носитель духовного авторитета, не обладатель «высшей силы» интеллекта и знания. Седьмой класс, где Павел Константинович преподаёт историю, снисходительно слушает его рассказ о культуре древних цивилизаций.

— Полтинич, а я видел папу римского! Он няшка! — раздается голос Васи Макарова.

«Все они были в Риме, в Париже, сестры Крюковы плюются от Англии и считают Швейцарию скучной. Даша Бывшева целое лето провела в Испании, у Карповых — дом в Греции, а что здесь такого?»

— А вы были в Италии, Полтинич?

— Не был, Вася.

Седьмой гудит, не верит. Как можно не бывать в Италии? Уже даже дети учителей туда съездили, правда, на них скидывались другие родители».

Образ жизни и мыслей учителя, предстающего в классическом облике русского интеллигента, отдающего предпочтение духовно-нравственным ценностям перед материальными, вносящего в сознание учеников дух сомнений и исканий, отвлекающих от жёсткой нацеленности на жизненную прагматику, вызывает в родительской среде раздражение, и от Павла Константиновича спешат избавиться. И уходит он преподавать историю из лицейского класса в школу.

Рассказ Анны Матвеевой привлекателен не только многообразием человеческих лиц и характеров, но и аналитической четкостью авторской позиции, страстностью публицистической ноты, и особенно ценно в нём программно заявленное стремление автора к созданию положительного образа русского Учителя: «Зачем наших детей пытаются закрыть в Интернет? Для чего окружают собаками, противостоять которым не может и взрослый? Почему всё это, в конце концов, служит, как выражаются врачи, «вариантом нормы»? — срывается на вопрошание Павел Константинович. Не удивительно, что в таком массивном натиске на душу, внутренний мир, психологию ребенка учителю истории видится целая теория заговора против будущего страны. И «Пал Тинич не считал себя педагогическим гением, тем более спасителем русского народа или отважным одиночкой, бунтарем против общества. Он считал себя тем, кем, собственно, и был — учителем истории...», призванным отстаивать её правду.

Рассказы о современной школе способны открыться читателю множеством неожиданных, а иногда и просто шокирующих реалий из контекста торжествующей коммерциализации общественных отношений. Судя по содержанию рассказа Сергея Носова «Здесь были качели», отдающего ностальгией по «совсем другому времени», в школе уже не стыдно давать списывать за плату; и на убеждении, что «любая домашка стоит денег», выстраивается специфически школьный бизнес. На склонности к пороку тоже можно неплохо заработать. Туда, где раньше были качели, Лопата водит своих одноклассников к знакомому Педофилу, который за то, чтоб «только посмотрели на это» платит деньги, а Лопата получает от него комиссионные за доставку «клиентов».

О том, что и в малом жанре рассказа современная проза способна ставить и предлагать к осмыслению существенные проблемы бытия, безусловно свидетельствует рассказ Романа Сенчина «На будущее». Он о том, как в процессе безоглядного экспериментирования в сфере педагогики исчезает из поля зрения сам ребенок как самостоятельная личность, какой мерой опасной непредсказуемости чревата его судьба в будущем и какова степень ответственности самих взрослых, бесконтрольно манипулирующих детским невзвешенным во имя своих представлений о их лучшим будущем...

Столкнув две стихии — пребывающую в неподвижности провинцию и мчащуюся в неостановимой гонке за успехом Москву, Р. Сенчин, подобно Гончарову в «Обыкновенной истории», вопрос о том, что лучше, оставляет открытым. В его рассказе столичные родственники, оказавшись без поддержки заболевшей бабушки, просят семнадцатилетнюю Олю приехать для временного

присмотра за маленькой Варей: «Поможешь тут с Варей, а может, на подготовительные запишешься».

С готовностью было включившись в лихорадочный темп жизни семилетней москвички, послушно следующей воле взрослых и безостановочно перемещаемой из школы в музыкалку, из музыкалки на вокал, в перерывах между ними делающей «домашку», а есть ещё языки, кружки, спорт, Оля не сдерживает чувств: «Мне Варю жалко... Такая маленькая, и так... Она ведь совсем на ребенка не похожа... И другие... Прямо плакать... Жалко...» Однако в ответ на эту сентиментальную тираду слышит урезонивающие доводы матери: «Про Варю ты зря..., нормальный она ребенок, и правильно, что так загружена, — именно сейчас всё закладывается, всё закладывается... Да, работает! Теперь уже и в десять лет намного поздно начинать заниматься. Только с рождения. Ольга, перестань рыдать!»

«На фиг такое будущее», — думает сморенная дневной суетой Ольга, но засыпая, на просьбу матери ещё раз проиграть этюд Баха, слышит не жалобы Вари на усталость, «вместо этого раздается музыка — широкая, мощная, величественная. Будто не на обычном пианино играли, а на огромном органе. Не семилетняя девочка, а крепкий человек, с железными пальцами...»

В книге «Русские дети» созданы даже не десятки — сотни разнообразных образов, взрослых и детских, в ней много социальной темени, но много и онтологического света, исходящего из духовной материи детской чистоты, невинности, первородного доверия взрослым. Но какими войдут в их мир эта девочка-робот Варя, дитя чистого эксперимента из рассказа Андрея Рубанова «Слинг-папа»; превратившийся в безжалостного волчка Серый из рассказа Алексея Слаповского «Лукьянов и Серый»; «ангел Рома» из рассказа «Здесь были качели»; чем, повзрослев, ответят на игры родителей дети из рассказов Олега Постнова «Миргород», Марины Галиной «Красивые молодые люди», «Рассказа, который не был написан» Ильи Бояшева...

По прочтении книги «Русские дети» никуда не уйти от остроты осознания, что рядом с нами возник, живет и разговаривает мир, который уже сегодня воплощает наше будущее, и чтобы не оказаться в нём на положении «чужого» и «лишнего», следует безотложно гармонизировать отношения с ним. Как справедливо сказано: сегодня — дети, завтра — народ. Какие сегодня дети, таким завтра предстанет народ.

Прочтя книгу, читатель несомненно обогатит свои представления о литературном процессе и процессах самой жизни. Это тот случай, когда следует говорить об отсутствии противоречий между эстетикой и публицистикой. Соединившись, они высекают живой и тревожный образ Времени.

Л.П. Якимова, главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН, д.ф.н.
Фото В. Новикова